

СЕРГЕЙ ТИТОВ

О СЕБЕ И О СУДЬБЕ

Автор этих воспоминаний – доктор философских наук Сергей Николаевич Титов (1925–2016) – в 1951 году окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского госуниверситета. В 1954–2001 годах был преподавателем, доцентом, а затем и профессором кафедры философии в родном вузе, в 1959–1967 годах – возглавлял эту кафедру. Несколько лет руководил бюро Центрально-Черноземного отделения философского общества СССР.

Рукопись его воспоминаний была передана родственниками автора в Музей истории ВГУ после смерти Сергея Николаевича. Мы предлагаем вниманию читателей некоторые страницы этой рукописи, в которых речь идет о предвоенной и послевоенной жизни профессора С. Н. Титова.*

РАННЕЕ ДЕТСТВО В ПОДМОСКОВЬЕ

Родился я в роддоме города Богородска (его переименовали в Ногинск) 4 июня 1925 года. Отец мой, Титов Николай Сергеевич, 1893 года рождения, окончил гимназию в Богородске, затем Щаповское сельскохозяйственное училище и получил квалификацию агронома. Накануне Первой мировой войны с ним случилось несчастье: правой ногой он попал под поезд, ногу ампутировали ниже колена. За год до трагедии с ногой отец женился, а в 1915 году родился сын Лёва. Жена отца, Софья, через некоторое время умерла, и отец остался вдовцом с маленьким сыном. После Революции он работал агрономом в Ногинском районном земельном отделе.

Мать моя, Мария Федоровна, родилась в деревне Кустынь Осташковского уезда Тверской губернии в 1894 году. Ее отец был псаломщиком местной церкви, но он умер еще до моего рождения. По протекции местной помещицы мать моя смогла учиться

в Царскосельском женском училище, состоявшем «под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Марии Федоровны». В мае 1914 года она окончила это училище, и, как записано в аттестате, «Голубева Мария имеет право на звание домашней учительницы тех предметов, в коих она оказала хорошие успехи».

В начале двадцатых годов мать встретила с моим отцом. Вроде бы какая для нее партия – инвалид, вдовец с восьмилетним сыном? А вот ведь, оказалось у них родство душ и теплота сердец. Прожили они жизнь в любви и согласии. Уходя утром на работу, отец не забывал поцеловать мать. И она подарила ему трех сыновей: Николая, Сергея и Владимира.

Дом наш, построенный нанятыми отцом плотниками, располагался на хуторе в полукилометре от деревни Ключниково. Фасадные окна выходили на шоссе Ногинск – Электросталь, и далее – лес, большой и густой. А на запад от дома, в десяти минутах ходьбы, располагался Лизин лес – уютная рощица гектара в три.

* Рассказ С. Н. Титова о военном периоде жизни содержится в его студенческой автобиографии, которую мы публикуем в этом же номере на стр. 24.

В шестилетнем возрасте я испытал непонятное религиозное чувство. Поводом послужило впечатление от надвигающейся грозы. Я стоял у окна и смотрел, как с востока надвигается темная туча, охватившая весь горизонт. Мне она показалась какой-то неведомой, пугающей силой, божественной стихией. Потом я ходил в церковь в Ногинск. Церковь тоже произвела на меня большое впечатление своим убранством и величием, благообразными лицами святых на иконах. Я не молился, да и не умел, просто по-детски испытывал какой-то мистический трепет. Брат мой Коля дразнил меня «боженькой», но я не обращал внимания, удовлетворяясь искренним и приятным чувством причастности к чему-то великому. Но вскоре оно прошло, так как было неосознанным, чисто эмоциональным, питавшимся детским воображением.

Конец двадцатых и начало тридцатых годов – время трудное, голодное. Правда, нас выручала корова Ирма, снабжавшая семью молоком. Но крайне трудно было с хлебом, сахаром и другими необходимыми продуктами. Мать была вынуждена продать обручальные кольца и золотую брошь в Торгсин (были такие магазины, где дефицитные продукты продавались за золото и серебро). Помню, мы с матерью и Колей чуть ли не в пять часов утра отправлялись в Ногинск, вставляли в длиннющую очередь и часам к десяти приближались к хлебному магазину. Милиционер запускал в магазин по семь человек, каждый мог купить по килограмму хлеба, купившие выходили, и снова запускались очередные семь человек.

В последний год перед школой летом я ходил в детский садик клюшниковского колхоза «Заря», создававшийся на время летних полевых работ. Заведующей была моя мать – дипломированная учительница и воспитательница. В сентябре 1933 года я пошел в первый класс истомкинской начальной школы. Истомкино – пригород Ногинска, расположенный в километре на запад от него.

Через несколько дней после первого сентября мне пришлось недели на две оставить школу из-за болезни глаз. Но двухнедельный пропуск школьных занятий ничуть не сказался на моей успеваемости. Еще до школы я научился бегло читать и считать за тысячу. Так что, вернувшись в свой класс, я скучал, следя, как мои сверстники овладевают азбукой. Зимой мне разрешили приезжать в школу на лыжах, они ждали меня в углу класса до конца уроков. Учился я легко и охотно.

А на следующий год случилось несчастье – отца арестовали в числе других сотрудников Ногинского

райзо. Точно не скажу, но я догадываюсь, что арест связан с тогдашней политикой в сельском хозяйстве. Отец публиковал в журналах статьи, издавал брошюры на агротехнические темы. Одна из брошюр, сохранившаяся у меня, называлась «Промышленное огородничество Богородского уезда». В ней описывалось индивидуальное огородничество в деревне Клюшниково. Это что же, рассудили, очевидно, компетентные органы, в разгар коллективизации агроном пишет об успешной агротехнике в индивидуальном хозяйстве, – арестовать! Несколько месяцев отца держали в Бутырской тюрьме в Москве, потом суд и вердикт: три года ссылки в места не ближе ста километров от столицы. Отец выбрал Черноземье – там есть где приложить знания и навыки агронома.

Отец уехал работать в совхоз Воронежского овощетреста, расположенного в полукилометре от железнодорожной станции «Липецк». А мы остались с матерью в Клюшниково, пока отец не благоустраится для приезда семьи.

Трудно представить, что пережила мать, – на руках трое детей (старшему двенадцать, младшему – два года), которых надо накормить, одеть, обууть, а кормильца нет, сама мать не работала.

Пришлось продать дом, домашнее имущество, чтобы найти средства для переезда к отцу и для благоустройства на новом месте. Что могла увезти с собой поездом мать, имея на руках трех малолетних детей? К тому же надо представить тогдашние поезда, не спеша двигавшиеся на паровозной тяге, тесные вагоны с деревянными полками в три этажа, освещавшиеся в ночное время одним керосиновым фонарем на весь вагон.

В СОВХОЗЕ ОВОЩЕТРЕСТА

Время жизни в совхозе под Липецком осталось в памяти для меня окрашенным в светлые тона. Однажды мне, третьекласснику, довелось в первый раз в моей жизни самостоятельно провести урок для первоклашек. Заболела учительница, и меня, как отличника, послали в первый класс чем-либо занять ребятишек. Я читал им сказки, а они весь урок сидели и слушали тихо и заинтересованно.

Семья наша из пяти человек жила в двух комнатах совхозного общежития. Совхоз довольно сносно обеспечивал ИТРовских сотрудников продуктами, молоком, овощами. Что особенно приятно вспомнить из совхозной жизни, так это участие мое в художественной самодеятельности. Еще в ногинские времена мой старший брат (по отцу) Лёва купил обычную двухрядку – «венскую» гармонь «русского

лада». Однако, не обладая достаточными способностями и прилежанием, он вскоре забросил гармонь, и она перешла ко мне. Я с большим желанием и усердием самостоятельно овладевал инструментом, по слуху подбирал мелодии песен, танцев, упражнялся в технике игры. Так, третьеклассником, я стал известным в совхозе гармонистом.

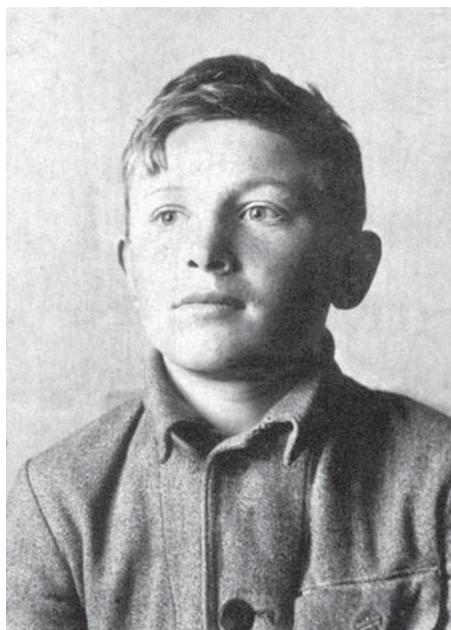
Как-то зимой в совхозе Прибытковский состоялась олимпиада художественной самодеятельности всех совхозов области, участвовал в ней и я. Помню, как ведущий концерта за кулисами подхватил меня с гармошкой под мышки, внес на поднятых руках на сцену и опустил на стул. Я исполнил запланированный номер и удостоился громких аплодисментов. Жюри премировало меня: я получил детский шерстяной костюм.

Еще одну премию я получил на районном смотре детской самодеятельности, но уже как «мастер художественного чтения». Выступление состоялось по липецкому радио. Перед микрофоном я рассказывал с выражением сказку «Хвосты» о том, как бог распределял хвосты животным. Премировали меня симпатичным школьным портфелем.

Весной 1936 года отец по сокращению штатов оставил работу в совхозе и оформился старшим агрономом водопьяновской МТС, и семья наша переехала в село Водопьяново. Когда-то оно называлось село Патриаршее, затем получило статус районного центра и было переименовано в честь героя-летчика, участника спасения челюскинцев М. В. Водопьянова.

ВОДОПЬЯНОВСКИЙ ПЕРИОД. 1936–1942 ГОДЫ

Здесь прошли лучшие годы моей юности. Здесь двигался я по школьным ступеням от шестого до девятого класса. Я уже отмечал, что учиться в школе мне нравилось, тем более учеба не доставляла мне большого труда и удовлетворяла мою любознательность и самоутверждение. За отличные успехи в конце каждого учебного года я получал грамоты или подарочные книги. В сочинениях по литературе, кроме пересказа материала по теме, можно было проявить творчество в суждениях, композиции. Решение задач по физике и математике тоже требовало творческих раздумий, логических догадок. Нередко трудные задачи в домашних заданиях я единственный в классе решал правильно, и это приятно тешило мое самолюбие. Что касается других предметов – химия, ботаника, зоология, география и другие описательные – они выучивались мною прилежно,

Шестой класс. 1939 год

но в основном требовали лишь запоминания и мало способствовали развитию творческого мышления, хотя солидно обогащали эрудицию.

На каникулах перед седьмым классом отец привлек меня к работе по апробации зерновых культур: пшеницы, ржи, проса. В МТС привозили снопы с разных полей, и моя работа заключалась в следующем. Из снопа пшеницы сорта «Лютесценс» я подряд выбирал пятнадцать-двадцать колосьев, вышелушивал зерна, подсчитывал, взвешивал, записывал результат: сколько в среднем было зерен в колоске и какой их вес. Таким же образом поступал со многими снопами разных сортов зерновых. Записи свои передавал отцу, а он с семеноводами определял оптимальные сорта для посева на разных полях.

Работа довольно однообразная и нудная, но я ее делал с удовлетворением. Во-первых, я помогал отцу, а это было приятно от сознания своей полезности. А во-вторых, у меня было и развлечение. «Лаборатория» располагалась в библиотеке МТС. В перерывах я с удовольствием копался в книгах, некоторые брал для чтения домой.

Не забывал я и гармонь. Ни один праздник в школе не обходился без моего участия. Почти половину зимних каникул я был занят с гармонью на новогодних елках для разных классов школы. Приглашали меня музыкально «обслуживать» учительские конференции, вечера в клубе, а летом в пионерский лагерь. Уже после седьмого класса на летние каникулы с середины мая по сентябрь меня в сельсовете

1941 год

оформляли на должность инструктора водопьяновского Дома культуры с окладом сто пятьдесят рублей в месяц. Всю зарплату я отдавал матери. Деньги мне были вовсе не нужны, а главное – сознание гордое, что я тоже вносил некоторую лепту в семейный бюджет.

В отличие от других деревенских гармонистов, игравших на елецких гармошках «матаню» и «барыню», у меня репертуар был богаче, мелодии песен, а главное, танцевальные вещи: краковяк, тустеп, вальсы, польки. Работа в основном вечером, с шести до одиннадцати часов.

Не всё было гладко и просто в те времена. Постоянным дефицитом были одежда, обувь, ткани и другие товары. Все тридцатые годы ощущалась хлебная проблема. В Водопьянове хлеб приходилось добывать. Нередко буквально, «в поте лица своего». У хлебного ларька толпа жаждущих хлеба выстраивалась в две противостоящие и нажимающие друг на друга очереди в стремлении пробиться к окошку продавщицы. Каждая очередь была в три ряда, когда один из очередников получал хлеб, его выдавливали и его место занимал очередник из противоположного ряда. Все это напоминало игру в регби, когда команды, сомкнувшись плечами, пытаются сдвинуть противника.

А зимой во время финской войны хлебом разживались в столовой. Покупали порцию или две щей, к ним полагался ломоть хлеба. «Щи» представляли собой подсоленную воду, в которой плавали

куски темно-серой капусты. Есть эту похлебку никто не мог, и ее оставляли на столе, а хлеб забирали, благо что порция стоила всего двадцать пять копеек.

По окончании восьмого класса с первого июня 1941 года я снова был принят на работу инструктором районного Дома культуры. Но вскоре началась война, и жизнь кардинально изменилась.

КОМСОМОЛЬЦЫ-ДОБРОВОЛЬЦЫ

С первых дней войны пунктом сбора стал райком ВЛКСМ. Сразу же были организованы патрульные группы по охране в ночное время железнодорожного пути от станции Патриаршая до моста через реку Дон от возможных диверсий. Но поскольку диверсантами на этом участке пути и не пахло, патрульные группы вскоре ликвидировались сами собой. Более постоянной работой в первый месяц войны была конная доставка повесток от военкомата о мобилизации из отдаленных деревень района.

В июле комсомольцев Водопьяновского района призвали на оборонные работы вроде бы под Воронеж. Я мог бы не ехать, поскольку находился на службе в Доме культуры, но отстать от друзей не захотел. Вместо Воронежа нас поездом через Москву отправили на станцию Ярцево Смоленской области. В нашу задачу входила обработка лопатами отвесного левого берега верховья Днепра для заграждения пути немецким танкам. Через несколько дней нас вечером спешно сняли с работы, всю ночь мы, уставшие и голодные, шли на отдаленную станцию. Оказалось, немцы взяли Вязьму, продвигались на восток и мы рисковали попасть в окружение. Утром нас посадили в теплушки и отправили назад домой.

По приезде в Водопьяново меня определили на пункт ВНОС. Расшифровывается это так: пункт воздушного наблюдения, оповещения связи. Иначе говоря, в три смены (по 8 часов) круглые сутки с вышки над Домом культуры осуществлялось наблюдение, – если замечался какой-либо самолет, сразу же по телефону об этом сообщалось в Липецк, в центр сбора информации. Делалось это для своевременного предупреждения о налете вражеской авиации. К счастью, немецкие самолеты нами ни разу не были замечены.

В связи с началом занятий в школе нас освободили от обязанностей наблюдателей за небом. Но наступил черед наблюдать за землей, – меня приняли в истребительный батальон (без отрыва от учебы в школе), созданный для возможного отражения вражеского десанта, а в случае оккупации он стал бы костяком партизанского отряда. Выдали нам де-

Занятия по боевой подготовке.
С. Н. Титов – первый справа

святязрядные винтовки, мы изучали их устройство пока без права выноса за пределы казармы в здании конторы МТС.

Немецкие войска продолжали быстрое продвижение на восток. Было решено эвакуировать в тыл тракторный парк Водопьяновской МТС. Начальником колонны стал мой отец. Пришлось оставить истребительный батальон, эвакуировалась вся наша семья. Отец, брат Коля и я отправились с танковой колонной. Пункт назначения – станция Избердей, вторая остановка после Грязей в сторону Мичуринска. Всего от Водопьяново километров сто, но одолевались они с большими трудностями и потерями.

Медленно тащились по колдобинам и ухабам сельских дорог, по подмерзшим комьям грязи неприспособленные для таких переходов железноколесные «ХТЗ» и «Универсалы». Трактора часто выходили из строя, ломались цапфы, глохли моторы и тогда их брали на буксир исправные трактора. За рулем одного из буксируемых «Универсалов» и я сидел на железном сиденье, держа в руках холодный руль.

В моем ведении как кладовщика был полевой вагон с продуктами: мешки с мукой, крупами, два жбана с подсолнечным маслом и кое-что другое. Ключ от вагона был у меня. По распоряжению начальника колонны я, пятнадцатилетний зав. складом, выдавал продукты тракторным бригадам.

В декабре мы добрались до села Плеханово, что в 20 километрах от Грязей. И в это время пришло известие, что немцев отогнали от Москвы, Тихвина, Ельца. Нам предстояло вернуться в Водопьяново.

Возобновились занятия в школе, и в июне 1942 года я благополучно окончил 9-й класс, а в июле – снова мобилизация. На этот раз военкомат призвал 17- и 18-летних юношей. Пешей колон-

ной мы отправились в Тамбов. Здесь нас разделили: родившиеся в 1924 году – в армию, а те, что в 1925 году, – в школы ФЗО. Попал и я в железнодорожную школу на станцию Селезни недалеко от Тамбова.

МИРНАЯ ЖИЗНЬ. ШКОЛА, УНИВЕРСИТЕТ, СЕМЬЯ

В июне 1945 года нашу дивизию из Берлина передислоцировали в Тюрингию. В пригороде Эрфурта мы разместились в бывших казармах немецких воинских частей. Чтобы чем-то занять личный состав батареи, проводились занятия по боевой и политической подготовке. Но имевшаяся у нас за плечами фронтовая практика была выше тыловых тренировок.

В августе вышел указ о демобилизации возрастов с 1905 по 1915 год рождения, а также воинов, годных к нестроевой службе в связи с тяжелыми ранениями. Я относился к категории последних. 19 ноября 1945 года я вновь открыл двери родительского дома. Через две недели я стал учеником 10-го класса Водопьяновской средней школы. Быстро освоился, наверстал пропущенное, и вскоре стерлась разница между фронтовиком в солдатской шинели и другими одноклассниками. В этом же декабре на районной ВТЭК мне определили инвалидность III группы по фронтовым ранениям.

Одно обстоятельство меня не устраивало: будучи учащимся, я, взрослый человек, бывалый солдат, числился иждивенцем с урезанным пайком по продовольственным карточкам... И я поступил работать снова инструктором районного Дома культуры. Вечером я открывал клуб и веселил молодежь танцами под свой аккордеон.

В ВГУ на занятии
литературного кружка.
С. Н. Титов – второй слева.
1948 год

Быстро пролетел учебный год, я получил аттестат зрелости, в котором была лишь одна четверка, – одного балла не хватило до медали. Да она и не нужна была: фронтовиков принимали в вузы вне конкурса. Не буду вдаваться в детали моего безуспешного штурма московских институтов – в литературном требовали готовых публикаций, а в полиграфическом не было общежития. Я без сожаления покинул столицу и стал студентом-филологом ист-филфака Воронежского государственного университета. С первого курса учился так, что четверка была для меня ЧП, и я сразу же старался ее исправить.

Учебой прежде всего запомнились мне студенческие годы, живо встают в памяти все преподаватели. Общественную работу я недолюбливал, хотя постоянно попадал в выборные комсомольские и партийные органы. А вот занятия в факультетском литературном кружке, заслушивание и обсуждение стихов и рассказов членов кружка – дело интересное. Я тоже пробовал писать стихи, одно стихотворение даже опубликовали в журнале «Подъем». Откровенно говоря, стихи у меня (за редким исключением) получались довольно слабые, они, скорее, походили на рифмованную прозу. Склад ума у меня, очевидно, более рационалистический, чем поэтический, лирический, так что вскоре я забросил стихотворчество.

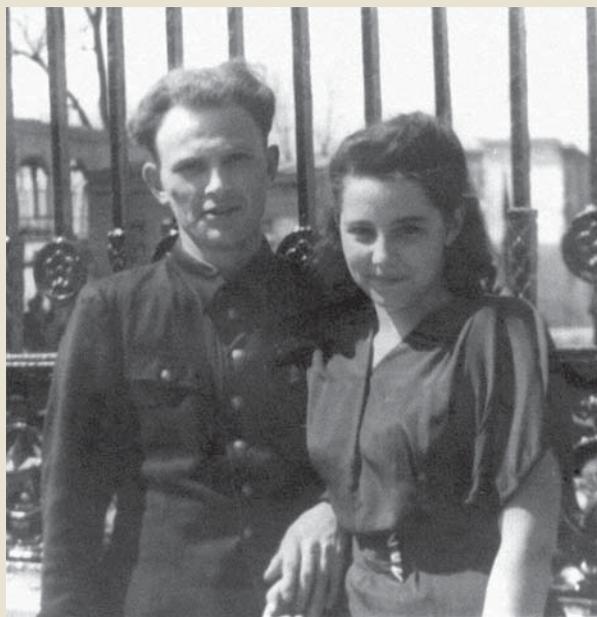
Проявилось другое увлечение – университетский драматический коллектив. Участвовал я в ряде постановок, но особенно запомнился спектакль «Царь Федор Иоаннович» по пьесе А. К. Толстого. Я играл в нем роль боярина Луп-Клешнина – «Дядьки» царя Федора, заговорщика и интригана, сторонника Бориса Годунова. Боярские костюмы, взятые в областном драмтеатре, впечатляющие декорации, тщательно отработанные диалоги и реплики, хорошо продуманные мизансцены, грим, боярские боро-

ды – все это потрясающе смотрелось на университетской сцене.

Летние каникулы я проводил в Водопьяново. Помогал родителям по хозяйству, отдыхал, купался в Дону. После третьего курса летом больше месяца работал помощником комбайнера на уборке зерновых в колхозах. Работали от зари до зари с небольшим перерывом на обед. Я, конечно, уставал, но чувствовал большое удовлетворение от работы, от сознания своей полезности, от ожидаемого хорошего вознаграждения за свой труд. За это время я заработал полтора центнера пшеницы – это немалая ценность в те времена.

Стипендия, хоть и повышенная, была маловата для сносной жизни, из дома была некоторая помощь, но следовало и самому что-то зарабатывать. В разовых походах на разгрузку вагонов я не участвовал, хотелось найти не отвлекающую сильно от учебы, но постоянную работу. В обкоме комсомола мне предложили должность заведующего отделом в редакции газеты «Молодой Коммунар», но для этого надо перейти на заочное обучение. Я не согласился, справедливо полагая, что заочная учеба при тогдашнем дефиците учебной литературы – профанация образования.

Б. Удодов, учившийся на курс старше нас, работал на радио и посоветовал мне попробовать себя на поприще диктора. Меня приняли с первого захода: оказались подходящими тембр голоса, дикция, навыки тещи, филологическая грамотность и пр. Видно, и впрямь было все при всем, если председатель областного радиокomiteта В. А. Докукин называл меня «воронежским Левитаном», а приезжавшая московская комиссия присвоила мне квалификацию диктора первой республиканской категории. Каждое утро я вел передачи с 7 часов до 8 часов 30 минут с

Молодожены. 1951 год

перерывами для трансляций последних известий из Москвы. Потом шел на занятия в университет. И вечером было вещание с 18 до 19 часов.

Однажды меня с моим голосом пригласили во время первомайской демонстрации выкрикивать с трибуны лозунги: «Да здравствует... Ура!» Это было один раз, больше не приглашали, для этого нужен крикун с драматическим тенором, а не диктор со стальным баритоном.

На четвертом курсе я встретил свою суженую. Рая Зенина была однокурсницей, так что знали мы друг друга уже три года, а сошлись ближе лишь тогда, когда оба «созрели» к этому. После зимних каникул 5-го курса, 21 февраля 1951 года, нашу брачную пару зарегистрировали в ЗАГСе, а 24-го сыграли свадьбу и стали мы жить вместе на улице Помяловского, 38.

После окончания университета меня распределили на кафедру истории КПСС. У меня не было интереса к этой науке, и я попросился на кафедру философии. В это время министерство выделило университету одну именную (сталинскую) стипендию для аспирантуры и ученый совет утвердил меня первым в истории ВГУ аспирантом с этой стипендией в 1000 рублей. При этом мне настоятельно посоветовали оставить работу на радио и заняться своим главным делом: сдачей кандидатских экзаменов и написанием диссертации.

Мой научный руководитель, заведующий кафедрой философии Б. М. Бернадинер уже на третий месяц аспирантуры поступил со мной по принципу: орлят надо бросать со скалы, чтобы они научились летать. Он поручил мне читать лекции на заочном отделении, мне, который лишь полгода назад сам был студентом, да еще по такому предмету, как история философии.

Июнь 1954 года я провел в столице в поисках оппонента – доктора философских наук. Однажды я попал на заседание кафедры эстетики и теории литературы Академии общественных наук. Слышу, зав. кафедрой объявляет:

– Слово для сообщения о содержании своей диссертации имеет Светлана Иосифовна Сталина.

Я с интересом смотрел и слушал речь худощавой скромной женщины, мало похожей на отца. Тогда она еще носила фамилию Сталина и лишь после 1956 года сменила ее на Аллилуеву.

На другой день тут же, на кафедре я полистал с любопытством ее диссертацию, тема была близка к моей: у С. И. Сталиной – «Традиции русской литературы в творчестве А. Толстого и М. Шолохова», а у меня – «Об исторической преемственности и новаторстве в развитии советского искусства». А когда я прочитал в «Вечерней Москве» объявление о защите диссертации С. И. Сталиной, естественно, решил побывать на заседании Совета. В конце заседания я попросил слова и выступил в качестве «неофициального оппонента». А после защиты я пробился сквозь толпу поздравляющих к Светлане Иосифовне и попросил у нее автореферат. Она достала из сумочки экземпляр, подписала и подарила мне на память.

20 ноября 1954 года состоялась защита моей кандидатской диссертации. Из 30 голосовавших членов ученого совета ВГУ за присуждение мне степени кандидата философских наук подано 28 голосов, два бюллетеня оказались недействительными. Меня оставили работать на кафедре философии университета.

Меня считали строгим экзаменатором, немало было «неудов» за ответы студентов. Но дело было не во мне, а в предмете. На консультациях я предупреждал студентов: если вы придете со знанием материала лекций и учебника, то рискуете не сдать экзамен. Нужно не просто знание (зачастую зазубренное), а понимание известного.

*Ноябрь – декабрь 2003 года
Публикация Александры Степиной*